

Александр КАРПЕНКО (РОССИЯ)¹

ГЕРМЕТИЧЕСКИЙ СЮРРОМАНТИЗМ БРОНИСЛАВЫ ВОЛКОВОЙ

Когда я говорю о творчестве Брониславы Волковой, я как-то по-особенному волнуюсь. Это новая страничка в русской поэзии. Несколько лет тому назад Бронислава выпустила первую книгу на русском языке. Сейчас готовится к изданию её вторая книга. Волкова – профессор Блумингтонского университета, автор огромного количества книг на чешском и английском языках. Её русский не вызывает вопросов, во многом благодаря изучению в школе и годам учёбы в СССР. «Русским Бронислава владеет на уровне родного языка», – так охарактеризовали её лингвистические способности преподаватели. Поэт способен писать на любом языке, которым владеет. Помните, Рильке, приехав в Россию вместе с Лу Саломе, тут же стал писать стихи по-русски. Даже в первых опытах было заметно, что это большой поэт. Бронислава Волкова видит мир очень своеобразно.

Мы здесь не одни –
с нами птицы.
Они щебечут в тишине утра,
пока люди не начнут свой вечный крик,
чтобы лучше слышать друг друга.
Потом птицы утихнут –
будто бы совсем исчезнут.
Они разбудят нас новым утром,
после ночи отдыха, когда ненадолго
останутся одни,
чтобы затем снова быть с нами.

Бронислава – человек непростой судьбы, чье поэтическое мастерство выковалось в противостоянии советской системе ценностей, тоталитарному режиму коммунистической Чехословакии. Она пишет стихи в своеобразной манере. Это верлибры, где метафизика и живая жизнь гармонично дополняют друг друга. Вместе с тем, я не могу стопроцентно соотносить её творчество с известными мне литературными направлениями. Такого плана герметический сюрреализм встречается, например, в произведениях французского нобелиата Сен-Жон Перса. Повествование сгущено у Брониславы до

---

¹ Информация об авторе опубликована в раздел «Редакция» (стр. 5).

предельной степени. Это прямое следствие «прививки духа», вызванной эмиграцией и привыканием к другому образу жизни. Волкова начала писать стихи благодаря изгнанию из советской Чехословакии. Эмиграция сгущала смыслы, закаляя сталь и формируя личность. Стихи Брониславы – это концентрат знаний и эмоций, интуиций и прозрений. Их хорошо читать вместе с эссе «Психологические, культурные, исторические и духовные аспекты эмиграции» («Psychological, Cultural, Historical and Spiritual Aspects of Exile»). Это дополняет впечатления от поэзии суровой правдой о её жизни в эмиграции. «Я балансирую / на тонкой верёвке проказы / своей непринадлежности, / натянутой от берега дыхания / – к берегу без дыхания», – так пишет она об этих годах. Однако молодая женщина обнаружила в себе невиданную стойкость духа. «Падение в колючий кустарник может вдруг стать полётом в небо», – признаётся она.

Бронислава сумела найти особую стилистику, которая делает её стихотворения узнаваемыми. Этот стиль требует от поэта предельного и выверенного знания языка. Пульсирующие стихии, сюрреализм, метафизика в ткани живой жизни, остановленное мгновение... Я охарактеризовал бы его как сюрромантизм. Сложность – естественное состояние души Волковой. Это феномен её образного мышления. Так она чувствует глубинные процессы, которые происходят с людьми и природой. Сложность у Брониславы – вовлечение тайного в явное. Трансцендентная метафора, которая охватывает всё. Это заметно уже в названиях её книг: «Шифровки в уши пены», «Воздух без каблуков», «Глухонемая ладонь», «Из тьмы рождённая».

Я – башня в небо, прикованная к земле.

Я – страсть тепла увядшего дерева.

Я – горько потерянная собака, я – разменная монета,
которой заплачено тому, кто не вышел,
подобно солнцу, вовремя из дома.

Я бью в набат и в закрытые двери.

Я не знаю, как переступить порог – и предаться мечтам в поле.

Не знаю, как переступить сон – и стать действительностью.

Наряду с неожиданными метафорами, в поэзии Волковой встречаются тонкие подробности: например, «моя рука в твоей тёплой руке окоченела». У нас много двуязычных поэтов. Но поэт с тремя языками – это нестандартно. Это уже феномен. А ведь она, помимо этих трёх языков, владеет ещё словацким, испанским и немецким! И это – безусловно, «поэзия зарубежья». Бронислава – поэт уитменовского размаха. Она перевоплощается в существующее и несуществующее, одушевлённое и неодушевлённое, отдаёт внимание сердца людям, животным, растениям и рыбам. Вместе с тем, эпос у неё

сюрреалистически сжат, проговариваясь, как правило, в минимальном объёме строк.

Когда мы наконец-то станем
той любовью, которой воистину являемся, –
тогда мы будем бесконечностью:
постоянно создавая – постоянно создаваемыми,
постоянно превышая возможное,
постоянно нащупывая иное
в том же самом,
мы – Вселенная без границ.
Как вода,
как лёгкий сыпучий танец,
мы – капелька неба
для всех жаждущих.

Поэт не может бесконечно жить на чужбине. Его безостановочно тянет на родину, к своим корням. Вот и Бронислава Волкова вернулась в Прагу. Теперь – уже насовсем. «Я звучу в Боге, как маленькая флейта...» – говорит она. Сыграйте же мне на Вашей флейте, Бронислава!

КИТАЙСКАЯ НОТА ПОЭТА ИРИНЫ ЧУДНОВОЙ

Ирина Чуднова живёт в Китае уже больше 25-ти лет. Этого достаточно для того, чтобы сознание человека незаметно для него самого стало «гибридным». «А на севере написано: «Китай». И на юге написано: «Китай». А на небе «Китай» не написано», – шутил известный концептуалист Дмитрий А. Пригов. Мы плохо себе представляем, насколько кардинально сказывается китайский фактор на психике и мировоззрении русского человека, интегрированного в местные реалии. В этом плане лирика Ирины Чудновой даёт богатую пищу для размышлений.

там, где тонко – сорвётся,
вопрос только в сроках – когда?
на Цинмин с неба янская рухнет вода..
нешто выпала? – не ожидали! тогда
ритуального лепим уродца.
и втыкаем морковь, потому что – любовь,
потому что свекровь супит тонкую бровь,
потому, что судьба раздаётся
каждый год по весне.